

БУКВЕННО-ЧИСЛОВОЙ АТОМИЗМ: МОХ, ПИФАГОР И КАББАЛА

Учение Моха об атомах было учением о буквах и соответствующих им числах как неделимых первоэлементах, из которых состоят все объекты во Вселенной. Т. е. это был буквенно-числовой атомизм. К нему восходит как идея Пифагора «Все есть число», так и каббалистическое учение о том, что Бог сотворил небо и землю посредством сочетаний букв.

Ключевые слова: Мох, Пифагор, буквенно-числовой атомизм, Финикия, Библия, каббала.

Учення Моха про атоми було вченням про літери й відповідні їм числа як неподільні першоелементи, з яких складаються всі об'єкти у Всесвіті. Тобто це був числово-літерний атомізм. Від учення Моха походить як ідея Піфагора «Все є число», так і єврейське кабалістичне вчення про те, що Бог створив небо й землю за допомогою комбінацій літер.

Ключові слова: Мох, Піфагор, числово-літерний атомізм, Фінікія, Біблія, кабала.

Mochus's doctrine of atoms was the teaching of the letters and their corresponding numbers as indivisible primary elements that make up all of the objects in the universe. It was an alphanumeric atomism. The idea of Pythagoras "All is number" as well as Jewish kabbalistic doctrine that God created the heaven and the earth by means of letter combinations is based on this doctrine.

The keywords: Mochus, Pythagoras, alphanumeric atomism, Phoenicia, the Bible, Kabbalah.

В этой статье мы поговорим о загадочной фигуре финикийского мудреца **Моха**, которому античные авторы приписывали создание учения об атомах.

Секст Эмпирик пишет (IX, 363): «Относительно самых древних стихий образовалось два главных противоречивых толка, а разновидностей – еще больше. Одни говорят, что стихии сущего телесны, другие – что бесплотны. Из тех, кто говорит, что телесны, Ферекид Сиросский называл землю началом и стихией всего, Фалес Милетский – воду. (...) Демокрит же и Эпикур – атомы, если только это учение не следует считать более древним и, как сказал стоик Посидоний, происходящим от некоего сидонянина Моха [16, с. 81]. На это мнение Посидония ссылается и Страбон (XVI р. 757): «Если же верить Посидонию, то и учение об атомах является древним и принадлежит Моху Сидонскому, жившему до Троянской войны» [9, с. 219].

«До Троянской войны» здесь, скорее всего, следует читать просто как «очень давно», древние греки имели очень смутное представление даже о времени жизни Гомера (VIII в. до н. э.). В любом случае безусловно верно, что Мох жил и творил **раньше любого из древнегреческих философов**. Причём сам он был именно **философом**, в чём едины как древние, так и современные исследователи. Так, Диоген Лаэртский писал в своей единственной дошедшей до нас «античной истории философии» (1.1): «Некоторые говорят, что занятие философией началось у варваров... и что у них были философы: финикийянин (М)ох» [14, с. 55].

То, что среди всех философов Финикии до нас дошли лишь имена Моха и Санхунйатона, показывает, что именно их духовное наследие продолжало оставаться живым и актуальным во всей последующей истории философии, а особенно греческой философии. Античные авторы неоднократно их упоминали. Так, Афиней (Athen. Lib. III, cap. 37, p. 126) упоминает их в диалоге Кинолька с уроженцем Тира Ульпианом: «Угостись, Ульпиан, родным хедронсом (видом зелени), о котором не написано ни у кого из древних, клянусь Деметрой, кроме писателей о финикийских делах, твоих Суниэтоне и Моха» [16, с. 81]. А Иосиф Флавий в «Иудейских древностях» (I. 3: 6) пишет: «Мои слова [о том, что люди в древности жили по тысяче лет] подтверждают Мохос, Гекатей и, кроме того, египтянин Иероним, повествующие о деяниях финикийцев» [6, с. 14]. Т. е. Мох, подобно Санхунйатону, был также и историком. О Мохе упоминали Секст Эмпирик, Ямвлих, Диоген Лаэртский, Свида и Евсевий.

Ямвлих называет Моха «*фисиологом*» – т. е. философом, изучающим природу. Очевидно, что никто из античных авторов так не называл никого из египетских, халдейских либо иранских жрецов. «Таким образом, можно утверждать, что у финикийян существовала довольно обширная и разнообразная по своим тенденциям философская литература» [20, с. 18]. Между прочим, Евсевий Кесарийский сообщает (из Татиана) о писателе Лэте, который перевел на греческий язык труды финикийских философов Феодота, Ипсикрата (имена эллинизированы) и Моха [15, с. 270]. Древнегреческой философии *предшествовала* философия финикийская.

Л. Пономарев, автор научно-популярной книги об истории атомной физики, отметил: «Среди предшественников Демокрита называют также финикийянина Мосха Сидонского. (...) О сути учения Мосха ничего достоверного не известно, но если история на протяжении трех тысячелетий сохраняет имя человека, который не был ни царем, ни полководцем, то, похоже, он действительно оставил после себя нечто важное, хотя и утраченное впоследствии» [12, с. 20–21].

Думается, в отношении Моха как раз не все так безнадежно утрачено. Далее будет сделана **попытка реконструкции сути учения Моха об атомах**.

Для такой реконструкции можно, во-первых, привлечь взгляды Пифагора и пифагорейцев. Ямвлих пишет в «Жизни Пифагора» (14): «В Сидоне он сошелся с *потомками естествоиспытателя и прорицателя Моха* и другими финикийскими верховными жрецами и принял посвящение во все мистерии, совершаемые главным образом в Библие и Тире и во многих местах Сирии» [18, с. 18]. Порфирий в «Жизни Пифагора» (6) свидетельствует: «Большинство утверждает, что начала так называемых математических наук он усвоил от египтян, халдеев и финикийцев, так как геометрией *с давних времен занимались* египтяне, *числами и вычислениями – финикийцы*, а астрономическими теориями – халдеи» [8, с. 143]. Но главное в пифагорейской школе – именно «числа и вычисления».

А у Пифагора (его учеников) учился Демокрит: «**Одним из источников атомистического учения была пифагорейская числовая философия**, Демокрит восторженно отзывался о Пифагоре и его учении, которому посвятил специальное сочинение» [17, с. 161].

Согласно свидетельству Порфирия, учителем Демокрита был сын Пифагора

Аримнест [5, с. 89]. Диоген Лаэртский писал (IX, 38): «Можно думать, говорит Фрасилл, что он [Демокрит] был приверженцем пифагорейцев, да и о самом Пифагоре он восторженно упоминает в книге, названной его именем. Казалось бы даже, что он все у него перенял и сам его слушал, если бы это не противоречило расчету времени. Во всяком случае Главк Регийский утверждает, что Демокрит слушал кого-то из пифагорейцев, а Главк – современник Демокрита; и Аполлодор Кизикийский тоже говорит, будто он встречался с Филолаем» [14, с. 344].

Античные авторы вплоть до Августина Блаженного с довольно последовательным единодушием делят греческую философию на «италийскую» и «ионийскую», выстраивая философов в цепочки «преемств», подобно тому, как это изложено у Диогена Лаэртского (1, 13): «Философия же имела два начала: одно – от Анаксимандра, другое – от Пифагора; Анаксимандр учился у Фалеса, а наставником Пифагора был Ферекид» [14, с. 58].

Словарь Суды (DK 7.A.2) так говорит о *Ферекиде*: «Ферекид, сын Бабия, Сиросец (Сира – один из Кикладских островов, близ Демоса)... (Родился около 600 г. до н. э.). Рассказывают, что он был учителем Пифагора, а у него самого наставника не было: он сам себя выучил, приобретя **тайные книги финикийцев**» [8, с. 84–85].

Для философии как особого институционализованного вида человеческой деятельности необходимо наличие особых социальных институтов, которые ее культивируют, в особенности наличие системы высшего образования, обеспечивающей преемственность философских учений. *У финикийцев были не только «тайные книги», но и особые социальные институты, где их культивировали, т. е. система высшего образования, служившая социальной средой для развития философии.*

В частности, в Палестине существовали сообщества из учеников и последователей известных пророков, например, «сыны пророков, которые в городе Бет'эле», или «пятьдесят человек из сынов пророков» в Иерихоне и т. д. Становление пророческих сочинений происходило в рамках этих ассоциаций; ученики в устной форме передавали и сохраняли слова учителя, дополняя часто их при этом новыми речениями, сочиненными в их среде, но также приписываемыми учителю, рассказами о его жизни и деятельности и т. п.; значительно позднее эти рассказы записывались. Так возникли библейские книги Исаяи, Иезекииля, Иеремии и др. [4, с. 119–120]. Аналогично в пифагорейской школе существовала традиция приписывать все достижения школы ее основоположнику. При этом очевидно, что существовали (в частности, в Финикии) и сообщества учеников пророков «небиблейских», куда более близкие по характеру к сообществу пифагорейцев, на организационный опыт и традиции которых, собственно, и ориентировался сам Пифагор.

Решающее значение здесь имеет приведенное выше свидетельство Ямвлиха, который в биографии Пифагора говорит о *непосредственном* влиянии на него финикийцев: «Он приплыл в Сидон и там встретился с пророками, *потомками физиолога Мох*, и с другими, и с финикийскими иерофантами» [16, с. 82]. Да и в само братство пифагорейцев входили финикийцы, в частности, карфагеняне. Ямвлих приводит имена: «Мильтиад, Антен, Годий, Леокрит – карфагеняне» в своем списке пифагорейцев, причем Мильтиад, как это следует из текста, принадлежал к самой

верхушке карфагенского общества [8, с. 465, 497].

Согласно Ямвлиху (Жизнь Пифагора, 5–7, 9, 13), отца Пифагора звали Мнемархом, он был родом с Самоса, но торговал с Сирией. В такой торговой поездке при особо благоприятных пророчествах его жена «разрешилась от бремени в Сидоне, в Финикии». Затем Мнемарх возвратился с семьей «из Сирии на Самос с огромной прибылью и неисчислимым богатством». Соответственно, для продолжения учебы «Пифагор отплыл в Сидон, зная, что этот город – его отечество по рождению» [18, с. 14–15, 18]. Из этого следует, что в семье у Пифагора как минимум знали финикийский язык.

Но в источниках сохранились и прямые указания на то, что сам **Пифагор был финикийцем**: «Согласно большинству, Пифагор был варварского происхождения... Согласно Неанфу – сирийцем или уроженцем Тира» (Климент Алекс. Строматы, 1, 62) [8, с. 141 (DK 14.8)].

Весьма вероятно, что **учение Моха было известно и древним евреям**. Напомним цитату из Библии (3-я Царств, 4. 30–31): «И была мудрость Соломона выше мудрости всех сынов востока и всей мудрости Египтян. Он был мудрее всех людей, мудрее и Ефана Езрахитянина, и Емана, и Халкола, и Дарды, **сыновей Махола**, и имя его было в славе у всех окрестных народов». Между прочим, перед этим там стоит рассказ о том, как Соломон получил от Бога «разум, чтобы уметь судить» (3. 11), о знаменитом «соломоновом решении». Из перечисленных Еман Езрахит и Ефам Езрахит названы в Библии авторами псалмов № 87 и 88, при этом Еман причислен к «сыновьям Кореевым», которым приписано еще несколько псалмов. «И Халкол, и Дарда, сыновья Махола» более нигде в Библии не упоминаются. В связи с этим отметим: указанное место из Библии **поразительно**. Здесь поименно перечислены мудрецы, чья мудрость была сравнима с полученной Соломоном мудростью самого Бога! Следует обратить внимание еще и на то, что ближе неизвестные нам «сыновья Махола» Халкол и Дарда признавались авторами Библии в качестве **самостоятельных** великих мудрецов. Очевидно, что они не слепо копировали учение основателя своей философской школы Моха, но и развивали его дальше. Т. е. определение «потомки физиолога Моха» значит примерно то же самое, что и пифагорейцы, эпикурейцы, гегельянцы, гуссерлианцы и т. п. – последователи одной из философских школ.

Если сообщества «потомков физиолога Моха» существовали у финикийцев как минимум с VII–VI вв. до н. э. (когда у них учился Пифагор и когда создавалась дошедшая до нас редакция Ветхого Завета), то эта традиция **философских школ** не пресеклась и гораздо позднее, в эпоху эллинизма – во II в. до н. э. Об этом находим прямое свидетельство у Диогена Лаэртского (IV. 67) в рассказе о **Клиতোмахе Карфагенском**, которого он называет (I. 19) основателем одной из десяти античных школ в этике – диалектической: «Имя его было **Гаструбал, и у себя в отечестве он занимался философией на родном языке** (Выделено мной. – И. Р.). Только в сорок лет он приехал в Афины и стал слушать Карнеада. Присмотрев и одобрив его прилежание, Карнеад побудил его изучить греческую словесность и сам занимался с ним. Усердие его дошло до того, что он написал свыше 400 книг. И, став преемником Карнеада, он своими сочинениями более всего пролил света на его учение. Во всех

трех школах, академической, перипатетической и стоической, он был самым приметным человеком» [14, с. 60, 187]. Какой еще народ Средиземноморья, кроме финикийцев (и греков), мог во II в. до н. э. заниматься философией на родном языке? Даже римляне не могли!

До нас дошли в греческом переводе и отрывки собственно финикийских **философских текстов**: две краткие космогонии, а также отрывки из труда Санхунйатона, о чем мы писали отдельно [13, с. 181–190]. Указанные космогонии приводит в своём труде Дамаский: «Сидоняне, по словам Евдема, ставят в начале всего Хрона (Время), Пофа (Страсть) и Омихлу (Облако). От соединения Пофа и Омихлы, как двух начал («Облако» как неоформленное Бытие и «Страсть» как Мировая Воля? – И. Р.), произошли Аир (Воздух) и Аура (Дуновение). Аир они объявляют несмешанным с умопостигаемым, Ауру же – живым прообразом умопостигаемого, истекающим из него (Аира). Затем от них двух произошло Яйцо, сообразно, как я думаю, умопостигаемому Разуму.

Если, минуя Евдема, мы станем исследовать мифологию финикийян по Моху, то искони были Эфир и Аир (Воздух), те же два начала. От них рождается Улом (Вечность), умопостигаемый Бог, как я думаю, верх того, что познаётся разумом. От его соединения с самим собою, как он говорит, произошёл Хусор, сперва Отверзитель, затем Яйцо. Уломом, я думаю, они называли умопостигаемый Разум, а Отверзителем Хусором – силу, познаваемую умом, как первую силу, расчленившую нерасчленённую природу» [16, с. 219]. Текст довольно туманный, но одно можно сказать с уверенностью: это уже не религия и не миф. Это – **уже философия**.

Исключительный интерес представляет также заявление Евсевия Памфила (45, 53) о том, что Санхунйатон учил о **«финикийских буквах как наивысших божествах и управителях Вселенной»**. Б. Тураев в соответствии со своей гиперкритической методологией исказил этот текст, но в соответствии с его же комментариями правильный перевод все-таки можно восстановить: «Обратите внимание, что он же (Филон) еще рассказывает, переведя из книг Санхунйатона о финикийских буквах относительно пресмыкающихся и пускающих яд животных. (...) Первоначальную тему все заимствовали у Таавта и учили о природе вещей, как было упомянуто выше. **Буквы** в форме змей они освятили в выстроенных ими храмах, и в честь их они справляли праздники, совершали жертвоприношения и оргии, так как считали их величайшими богами и управителями Вселенной. Относительно змей теперь сказано достаточно» [16, с. 44–45].

Б. Тураев здесь в тексте поставил вместо выделенного нами слова «буквы» выражение «первые стихии». Оправдывается он при этом в стиле гиперкритиков: «Во всяком случае, как я полагаю, та πρώτα στοιχεία здесь не буквы, а элементы, стихии. Едва ли Евсевий или даже его оригинал могли сказать, что буквам в форме змей посвящались храмы, как величайшим богам. (...) На самом деле весь отрывок посвящен змеям; о буквах там нет речи» [16, с. 76]. Но в начале отрывка в переводе самого Б. Тураева (!) Евсевий говорит именно о «книгах Санхунйатона о финикийских буквах»; а вот об «элементах, стихиях» как раз речь не идет вообще. Да, в данном отрывке Евсевий ругает язычников за поклонение змеям, но для нас это сейчас не суть важно.

В историческом и культурном контексте Финикии идея «буквы – управители Вселенной» выглядит вполне естественной: «Филон Библиский (т. е. Санхунйатон – И. Р.) считал финикийские буквы космическими элементами. В Иудее каждой букве алфавита и соответствующему ей числу приписали особый атрибут Бога, называли их волшебницами, с помощью которых Бог создал мир. В Талмуде (Берахот, 55а) говорится, что **Бог будто бы сотворил небо и землю посредством сочетаний букв**» [19, с. 191].

Исходя из этого контекста, можно попробовать, во-первых, установить связь между онтологическими представлениями Санхунйатона и Моха, а во-вторых, восстановить суть учения Моха об атомах. Ведь античные свидетельства об этом часто ставятся под сомнение именно потому, что вне своего контекста атомизм Моха выглядит совершенно одиноким и загадочным фактом. А между тем эти его взгляды действительно повлияли на все дальнейшее развитие философии. Ведь **учение Моха перенял Пифагор**. Далее мы постараемся доказать это.

Итак, **финикийско-пифагорейская числовая философия может быть рассмотрена как первоначальный вариант атомизма**: «[Пифагорейцы указывают] также на то, что расстояние от А до Ω в алфавите равно расстоянию от самой низкой до самой высокой ноты во флейтах, число которой равно целокупности Вселенной (...) Всю Вселенную они конструируют из чисел, но только не монадических [= абстрактных, арифметических]; напротив, они полагают, что монады обладают [протяженной] величиной, но как образовалась первая единица, обладающая величиной, судя по всему, объяснить не могут. (...) Признавать [как пифагорейцы] неделимые величины неверно, и даже если [допустить это], то все-таки единицы [монады] не имеют величины. Как же может величина состоять из неделимых? ...Они же полагают число реальными вещами ...как если бы числа были телесными» (Аристотель. Метафизика, 1092 b 26; 1080 b 16; 1083 b 8) [8, с. 480, 472].

Прежде всего напомним, что у греков все буквы были одновременно и числами, так что совокупность всех букв алфавита («расстояние от А до Ω в алфавите») как числа естественно равна «целокупности Вселенной». Но точно так же в финикийском и возникшем из него еврейском алфавитах каждая буква тоже соответствовала числу. Прочитываем еще раз: «В Иудее каждой букве алфавита и соответствующему ей числу приписали особый атрибут Бога, называли их волшебницами, с помощью которых Бог создал мир» [19, с. 191]. В таком случае финикийскую идею «буквы – управители Вселенной» можно с тем же основанием сформулировать как **«числа – управители Вселенной»**.

Это полностью совпадает с представлениями пифагорейцев: «[Пифагор] говорил, что все возникает не из числа, а *согласно* числу, так как в числе – первый порядок, по причастности которому и в счислимых вещах устанавливается нечто первое, второе и т. д.» (Стобей, I, 10, 12). «Считая числа первичными по отношению ко всей природе и всем естественным вещам (так как без числа ничто сущее не может ни быть, ни быть познаваемым, а числа познаваемы и сами по себе), они приняли элементы и начала чисел за начала всех вещей. Элементы же чисел, как сказано, суть чет и нечет, из коих нечет они полагали ограниченным, а чет – безграничным. Начало чисел, по их мнению, единица [монада], поскольку она состоит из чета и нечета: монада

одновременно четно-нечетна; он [Пифагор] доказывал это, исходя из того, что она порождает и нечетные и четные числа: прибавленная к четному, она порождает нечетное, а к нечетному – четное. И сколько у них было соответствий между числами и гармоническими сочетаниями, с одной стороны, и процессами и частями Вселенной [= Неба] – с другой, те они принимали сразу же как очевидные и доказывали, что Вселенная составлена из чисел и согласно гармонии (...) **Они считали все вещи и все сущие состоящими из чисел и некими числами (...) монады, в свою очередь, начала чисел**» (Александр Афродисийский. Комментарий к “Метафизике”, с. 38, 10) [8, с. 149–150, 469].

Обратим внимание на этот принципиальный момент: **Вселенная в конечном счете состоит из материальных монад** – единиц, которые имеют материальную величину и протяженность. Очень важно также еще одно положение пифагорейцев – о том, что в мире существует множество *несоизмеримых* между собой монад: «В то время как у всех чисел была общая мера – единица, найти общую меру также и для величин они не смогли. И вот по какой причине: в то время как всякое и любое число при любом делении оставляет некую наименьшую часть, неподверженную [дальнейшему] делению, всякая величина, даже если делить ее до бесконечности, не оставляет части, которая была бы не подвержена делению вследствие минимальности, но и эта часть может быть разделена на бесконечное число частей... Следовательно, не существует некой общей меры для всех величин. Поняв это, пифагорейцы открыли, насколько возможна соизмеримость величин. Все величины, подпадающие под одну меру, они назвали “соизмеримыми”» [8, с. 476].

Но это утверждение можно ведь переформулировать и так: «Для всякой величины (природной сущности) есть собственная соизмеримая с ней *неделимая* материальная монада, далее которой эта величина не делится». Получается, что пифагорейцы открыли ключевое положение квантовой механики! Иначе говоря, их атомизм был *глубже*, чем последующий атомизм Демокрита и Эпикура, представляющих себе атомы в виде шариков с крючками. Напомним еще раз слова Аристотеля: «Признавать [как пифагорейцы] неделимые величины неверно (...) Как же может величина состоять из *неделимых*? ...Они же полагают число реальными вещами ...как если бы числа были телесными» (Аристотель. Метафизика, 1083b 8) [8, с. 472].

Обратим внимание на слово «неделимые». *Атомы* в дословном переводе с греческого и значит «неделимые». Иначе говоря, здесь Аристотель утверждал, что, **по мнению пифагорейцев, всякая сущность (величина) во Вселенной состоит из неделимых единиц (монад) – атомов**. Сравним: по мнению Демокрита, «атомы бесконечны по величине и количеству» [14, с. 346].

Однако открытие несоизмеримости величин античная традиция убежденно приписывает ученикам Пифагора (пифагорейцам), а не самому основателю школы. Это значит, что в первоначальном учении Пифагора основной акцент делался на сами **числа от одного до десяти как основные элементы Вселенной**: «Пифагорейцы также признавали существование пустоты и утверждали, что она проникает в Космос из Бесконечного (*απειρον*), как если бы Космос вдыхал пневму и пустоту, которая разграничивает природы сущего (*φύσις*), как если бы пустота была разделением и

разграничением смежных. Прежде всего это наблюдается в числах, так как пустота разграничивает [их, сообща] им самобытность (φύσις)» (DK 58. В. 30) [8, с. 482]. Итак, сама первоначальная Пустота разграничивает природу чисел.

«Как четверица может быть богом? Это ты достоверно узнаешь из приписываемой Пифагору “Священной речи”, где **Бог воспевается как число чисел**. Если все существующее имеет в основе вечные замыслы Бога, то ясно, что число, содержащееся в каждом виде существующего, зависит от его причины, и первое число находится где-то там, и оттуда приходит сюда. Ограниченный численный промежуток – это десяток, потому что кто хочет считать дальше, возвращается опять к одному (...) Так он может до бесконечности идти вперед, повторяя интервал десяти. А возможность десятки – четверица. Прежде совершенства, проявляющегося при перечислении в десятке, можно видеть предваряющее его совершенство четверицы, ибо при сложении чисел от одного до четырех в сумме получается десять» [11, с. 96–97]. «Пифагор (...) полагал началами числа и числовые пропорции (συμμετρίαι), которые он называет “гармониями”, а элементами – сочетания обоих [этих начал], так называемые геометрические. С другой стороны, он полагает началами (элементы самих чисел, “первочисла”. – И. Р.) единицу [монаду] и неопределенную двоицу [диаду]. Из этих начал у него первое соответствует творящей и формальной причине, т. е. Уму – Богу, второе – страдательному и материальному, т. е. видимому Космосу. Природой числа он полагает декаду, так как все эллины и все варвары считают до десяти, а дойдя до десяти, опять заворачивают к единице» (DK 58. В. 15) [8, с. 473].

Аристотель в «Метафизике» (1092 b) критиковал учение Пифагора и в процессе этой критики сформулировал пифагорейский принцип соответствия разных сущностей на основе **тождества их числовой** (и буквенной!) **природы**: «Если же все должно быть причастно числу, то многие вещи по необходимости окажутся тождественными, и одно и то же число будет соответствовать вот этой вот вещи и совсем другой. (...) Так что если бы каким-то вещам оказалось присуще одно и то же число, они были бы тождественны между собой, так как принадлежали бы к одному и тому же числовому виду (эйдосу)» (DK 58. В. 15) [8, с. 473].

Сам Аристотель считал подобное внутреннее тождество самых разных сущностей доказательством абсурдности пифагорейского учения. Но на самом деле эта идея оказалась исключительно богатой и плодотворной: она послужила обоснованием как для создания математических моделей любых процессов, т. е. современной науки в целом, так и для оккультизма, в особенности герметизма и каббалы. Впрочем, на протяжении многих последующих веков до эпохи Возрождения включительно эти области знаний (наука и оккультизм) сохраняли нерасчлененное единство.

Но в таком случае можно предположить и что разные люди на самом деле есть один и тот же человек, например, если «число их имени» совпадает. Т. е. пифагореизм дает совершенно естественное и вряд ли имеющее отношение к древним индусам обоснование идеи **метемпсихоза** – переселения душ. Причем Пифагор, в отличие от индусов, говорит **только** о переселении души одного мужчины в другого мужчину (DK 14. 8) [8, с. 142]: «Он прежде был Эталидом, потом Эвфорбом, потом Гермотимом, потом Пирром. Когда же умер Пирр, он стал Пифагором и до сих пор

помнит обо всем». Античные источники сохранили достаточно указаний на то, что эта идея была в готовом виде позаимствована Пифагором у финикийцев через Ферекида: «Рассказывают, что он [Ферекид] был учителем Пифагора, а у самого наставника не было: он сам себя выучил, приобретя тайные книги финикийцев. Некоторые сообщают, что он [Ферекид] (...) первым ввел учение о метемпсихозе» (DK 7. A. 2) [8, с. 85].

Очень может быть, что идея далее неделимых монад как основного элемента всех чисел была высказана еще Мохом Сидонским. Но можно с уверенностью сказать, что основными элементами всего сущего у Моха и Санхунйатона выступали именно буквы финикийского алфавита в целом и особенно арифметические числа от одного до десяти, т. е. что это был **буквенно-числовой атомизм**. Сравним: «Первичным является природа чисел и пропорций, пронизывающая все, в соответствии с которой все гармонично соединено и подобающим образом украшено» (Ямвлих. Жизнь Пифагора, 58–59) [18, с. 47–48]. Причем у Пифагора речь идет не только о числах от 1 до 10, но и обо всех буквах алфавита: «Расстояние от А до Ω в алфавите равно расстоянию от самой низкой до самой высокой ноты во флейтах, число которой равно целокупности Вселенной» (Аристотель. Метафизика, 1092 b 26) [8, с. 480].

Здесь укажем на еще одно возможное сближение взглядов Моха и Пифагора. Само имя «Махол» из Библии значит по-еврейски «**кругообразный танец**» (а, скажем, имя его ученика Дарды – «перл мудрости») [2, с. 399, 165]. Обратим внимание на цитату: «Египтяне считают его [число] изобретением Гермеса, которого они называют Тот. Другие полагают, что понятие числа возникло из наблюдений за круговращениями божественных тел [= светил]» (DK 58. В 2) [8, с. 467]. Здесь возникновение идеи «Все повторяется согласно Числу» непосредственно связано с «наблюдением за **круговращениями** божественных светил». Пифагорейцы также придавали круговому движению исключительное значение: «Из фигур он [Пифагор] считал прекраснейшими среди объемных – шар, а среди плоских – круг» (Диог. Лаэрт. 8. 35) [8, с. 316]. И теперь сравним с Книгой Экклезиаста (1:5–6): «Восходит солнце, и заходит солнце, и спешит к месту своему, где оно восходит. Идет ветер к югу, и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своем, и **возвращается** ветер на **круги свои**». Не у Моха ли взята эта идея вечного «круговращения»?

Кроме идеально кругового движения как «вечного возвращения», в этом месте из Экклезиаста явно прослеживается еще и идея **вихря** как движения по спирали: «Ветер кружится, кружится на ходу своем». Что-то подобное было и у Пифагора: «Безумная страсть [возлюбленной] Теано связала самосца Пифагора, изобретшего изощренные геометрические спирали и круг, которым окружен эфир» [8, с. 149].

Это первоначально финикийское учение о числах (буквах) как основном элементе Вселенной сохранилось не только в греческом, но и в еврейском варианте. Действительно, до нас дошла загадочная древняя книга «**Сефер Йецира**»: «"Сефер йецира", или "Книга Творения", основополагающий для еврейской мистической традиции каббалы трактат, который представляет собой комментарий к 1-ой главе книги Бытия. В этом небольшом, но чрезвычайно емком сочинении содержится оригинальное учение о творении мира, времени и человека посредством

22 букв еврейского алфавита и 10 мистических чисел-*сфирот*. (...) На протяжении столетий "Сефер йецира" служила важнейшим и наиболее авторитетным источником, излагающим вопросы космогонии, буквенной мистики и магии (в частности, на ее тексте были основаны техники создания искусственного человека – голема). В конце XV в. трактат был переведен на латынь, приобретя широкую известность и популярность среди христианских мистиков и каббалистов эпохи Ренессанса» [3].

«*Сфирот*, сефирот (sephirot, мн. ч. от ивр. сфира – "сверкающая", ср. греч. сфера): десять божественных эманаций, сфер или оболочек. В своей совокупности они образуют "архетип человека", соотв. Адаму Кадмону, небесному Первочеловеку, прообразу Космоса и земного человека. Эти 10 эманаций объединяются в четыре вселенные или мира (оламим)» [21]. Объединение десяти сфер в четыре «мира» – это прямое соответствие пифагорейской идее о «четверице как возможности десятки».

В первой главе «Сефер Йециры» (1–12) четко изложена космогония, построенная на числах и буквах как основных элементах мироздания. Причем Бог здесь среди прочих имен четко назван доеврейскими ханаанскими именами «ИА» и «ИЕВЕ»: «Тридцатью двумя путями – чудными, мудрыми, начертал (или сотворил) ИА, ИЕВЕ, Саваоф, Бог Израиля, Бог живой и Царь вечный, Эль Шаддай, милосердный и прощающий, возвышенный, пребывающий в вечности, – возвышенно и свято имя Его, – и создал мир. ...*Десять чисел (сфиротов) невещественных (абстрактных). ...Двадцать две буквы – основания*: три матери, семь двойных и двенадцать простых. ...Десять чисел (сефиротов) невещественных: у них есть десять свойств бесконечных; глубина начала, глубина конца, глубина добра и глубина зла, глубина вышины, глубина глубины, глубина востока и глубина запада, глубина севера и глубина юга. ...Десять чисел (сефиротов) невещественных. Их конец внедрен в начале, как пламя соединено с углем, ибо Господь один, и нет Ему второго, а *до единицы какое можешь назвать число?*

...Десять чисел (сефиротов) невещественных [бескачественных]: первое [число] – дух Бога живого, – да будет благословенно и благословляемо имя вечно живого! Голос, дух и слово составляют Дух Святой. Второе – дуновение (эфир) от духа. Он начертал (или создал) и выбил им *двадцать две буквы основания*» [10].

«Создание 22 букв еврейского алфавита описано следующим образом: "Он начертал их, высек их, взвесил их, комбинировал и переставлял и сотворил ими душу всякого создания". Все реальные существа в трех космических слоях – в мире, во времени и в человеческом теле – появились в результате взаимодействия 22 букв, или, иными словами, путем "221 врат", т. е. комбинаций букв в группы по две. ...Все вещи в мире содержат в себе эти лингвистические элементы и существуют благодаря сокрытой в них силе» [3].

Совершенно очевидно, что в «Сефер Йецире» именно двадцать две буквы выступают основными элементами мира, а десять чисел – *«творящими» отношениями* между ними – как и у пифагорейцев. В противоположность этому в «классической» каббале числа (сефирот), наоборот, сущности, а 22 буквы – отношения между ними. Любопытно отношение к этому трактату у самих каббалистов: «[Это] первое из известных каббалистических сочинений. Эта книга излагает каббалистическое учение эзотерическим языком, сжато, кратко. ...Идеи и

понятия, о которых говорится в этой книге, столь возвышенны, что каббалисты прошлого практически были не в состоянии постичь их глубокий скрытый смысл. Трудом, в котором тщательно разработано и подробно изложено еврейское эзотерическое учение, является “Зогар”» [1, с. 532, 21]. Идеи этой книги столь возвышенны, что каббалисты их «практически были не в состоянии постичь»...

Скорее всего, «Сефер Йецира» представляет собой изложение более древнего финикийского учения, переделанное в духе еврейского монотеизма: «Древняя Сефер Йецира записана в форме Мишны на языке, на котором говорили в эпоху Талмуда. ...С точки зрения научной критики, Сефер Йецира была написана не раньше V в. н. э. Еврейская традиция утверждает, что автором был Авраам (согласно традиции, он родился в 19 ст. до н. э.)» [7, с. 216, 213]. Что касается наиболее ранней, или традиционной, версии ее появления, то интересным здесь кажется замечание М. Кравцова, обратившего внимание на то, что, согласно одному стиху из "Сефер йецира", созвездие Дракона находится в середине неба. Именно такое положение оно имело во времена Авраама, тогда как сейчас, в результате девиации земной оси, в центре звездного неба находится Малая Медведица [7, с. 213]. Так что, возможно, утверждение о том, что Мох жил еще до Троянской войны (т. е. до 13 ст. до н. э.) имеет под собой некоторое основание.

Таким образом, мы можем утверждать, что учение Моха об атомах было учением о буквах и соответствующих им числах как неделимых первоэлементах, из которых состоят все объекты во Вселенной. Т. е. это был **буквенно-числовой атомизм**. Его восприняла через Пифагора пифагорейская школа, среди последователей которой он трансформировался в учение об атомах как материальных далее неделимых монадах. В более близкой к первоначальному учению форме буквенно-числовой атомизм сохранился в наиболее раннем тексте еврейской каббалы – «Сефер Йецира».

Литература¹:

1. Берг д-р Ф. Ш. (1995) Введение в Каббалу. Перевоплощение душ. Межзвездные связи. – Ростов н/Д.: Феникс, 1995.
2. Библиейская энциклопедия (1990) Репринтное издание: Иллюстрированная полная популярная библиейская энциклопедия. Труд и издание митрополита Никифора. – М. : Тип. А. И. Снегиревой, 1891; М.: ТЕРРА, 1990.
3. Бурмистров Е., Эндель М. (2002) «Введение»: Сефер йецира, или Книга Творения [Электронный ресурс] Код доступа: http://teurgia.org/index.php?Itemid=26&catid=31:2009-12-21-16-39-43&id=167:q-q-q-q&option=com_content&view=article.
4. Вейнберг И. П. Предэллинизм на Востоке, История древнего мира. Расцвет древних обществ. – М., 1982. – 212 с.
5. Гайденко П. (2000) История греческой философии в ее связи с наукой. Москва: ПЕР СЭ; Санкт-Петербург: Университетская книга.
6. Генкель Г., пер. (1996) Флавий Иосиф. Иудейские древности. Т. 1. Москва: КРОН-ПРЕСС.
7. Кравцов М. А., пер. и коммент. (1994) Раби Шимон. Зогар. Москва: Гнозис.
8. Лебедев А. В., пер. (1989) Фрагменты ранних греческих философов. Москва.

¹ Бібліографічний опис джерел подаємо в авторській версії. – Редакційна колегія.

-
9. *Маковельский А. О.* (1946) Древнегреческие атомисты. Баку: Изд. АН Азербайдж. ССР.
 10. *Переферкович Н. А.*, пер. (1910) «Книга Творения Сефер Йецира»: "Сефер Йецира" в еврейской и христианской традиции [Электронный ресурс]. Код доступа: <http://www.oto.ru/cgi-bin/article.pl?articles/qabalah/2-sefer.txt>. Дата посещения: 21.12.2014.
 11. *Петер И.*, пер. (1996) Гиерокл. Пифагорейские Золотые Стихи с комментарием философа Гиерокла. Москва: Русское феноменологическое об-во; Алетейя.
 12. *Пономарев Л. И.* (1989) Под знаком кванта. – Москва: Наука.
 13. *Рассоха И. Н.* Финикийская философия и Библия. Открытие финикийцами Америки. Харьков: ХНАМГ, 2009.
 14. *Рожанский И. Д.*, пер. (1986) Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. 2-е изд. Москва: Мысль.
 15. *Тураев Б. А.* (1996) «Финикия», Иллюстрированная энциклопедическая библиотека. Древний Восток: История. Философия. Религия. Искусство. Москва: «Деконт +»: 245–273.
 16. *Тураев Б. А.* (1903) Остатки Финикийской литературы. Санкт-Петербург: Тип. В. Киршбаума.
 17. *Узбек К. М.* (2003) Развитие рациональности в античной математике и философии. Донецк: ДонГУЭТ.
 18. *Черниговский В. Б.*, пер. (1997) Ямвлих Халкидский. Жизнь Пифагора. Москва: Алетейя.
 19. *Шахнович М. И.* (1971) Первобытная мифология и философия: Предыстория философии. Ленинград: Наука.
 20. *Шифман И. Ш.* (1963) Финикийский язык. Москва.
 21. Нет Monster (2004) Тринадцать врат: История эзотерических учений "от Адама до наших дней" [Электронный ресурс]. Код доступа: <http://www.istorichka.ru/texts/1094014860/view/>. Дата посещения: 20.12.2014.

Рецензенти:

Доктор філософських наук, професор ХАІ, завідувач кафедри філософії гуманітарного факультету Національного аерокосмічного університету ім. М. Є. Жуковського «ХАІ» Кузнецов А.Ю.

Доктор філософських наук, доцент, професор кафедри філософії гуманітарного факультету Національного аерокосмічного університету ім. М. Є. Жуковського «ХАІ» Чернієнко В.О.